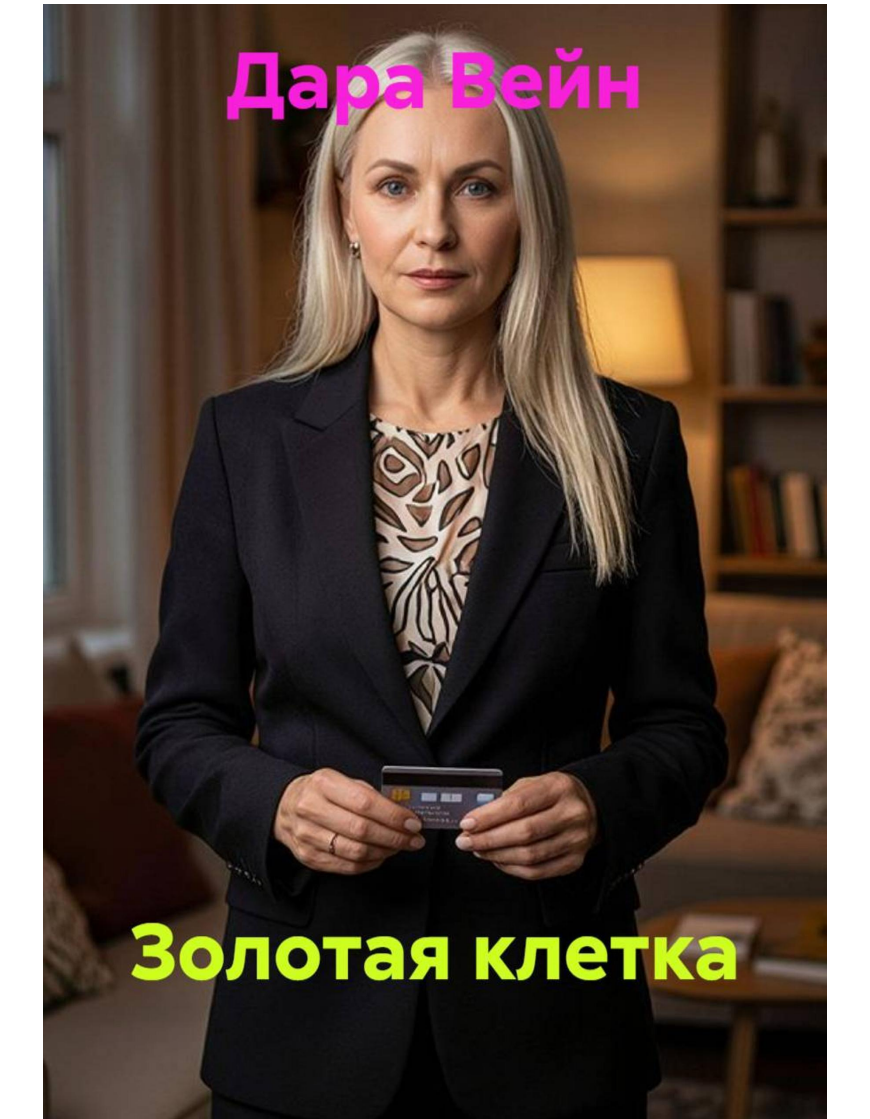

Дара Вейн

Золотая клетка

Дара Вейн

Золотая клетка

<https://litres.ru/74483872>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о Варваре Левиной, богатой и равнодушной дочери олигарха, которую старая гадалка переносит в тело бедной продавщицы Юли из Йошкар-Олы. Зарплата МРОТ, съёмная хрущёвка, столовая — вместо квартиры на Остоженке и чёрной карты без лимита. Чтобы вернуться обратно, Варе нужно прожить чужую жизнь как свою — и не сломаться. Но что если именно эта жизнь окажется настоящей?

Дара Вейн

Золотая клетка

Часть первая. Золотая клетка

Глава 1. Варвара Левина не умеет ждать

Варя никогда не ждала.

Не ждала лифта — в её доме было два частных лифта, и один всегда стоял на её этаже. Не ждала кофе — бариста в холле знал, что в семь утра Варвара Витальевна спускается, и двойной эспрессо без сахара уже стоял на мраморной стойке. Не ждала курьера — всё прилетало в течение часа, а если позже, она писала менеджеру, и менеджер разбирался.

Ей было двадцать три. Она жила в Москве, в доме на Остоженке, в квартире стоимостью, о которой её отец — Виталий Левин, владелец сети строительных гипермаркетов — говорил небрежно: «Ну, недвижимость, это так, вложение». Мать — Ирина Левина, в девичестве Кравцова, из старой московской семьи — занималась благотворительностью, что в её исполнении означало два раза в год появляться на благотворительных вечерах в наряде от русских дизайнеров и жертвовать суммы, которые не делали погоды ни в её бюджете, ни в бюджете тех, кому жертвовали.

Варя была их единственным ребёнком.

Она закончила частную школу в Москве, потом два года в Швейцарии — пансион, где учились дети арабских шей-

хов и русских олигархов, — потом вернулась и поступила в МГИМО. Не потому что хотела быть дипломатом, а потому что там учились «свои». Диплом получила, но не работала ни дня. Зачем? Квартира, машина, карты — всё оплачивал отец. Карта «В?» — чёрная, без лимита. Варя знала, что это значит: без лимита, а не «какой там лимит» — лимита не было совсем.

Её жизнь состояла из поездок (Дубай, Мальдивы, Куршевель), спа-выходных в Подмоскovie, бранчей в «Царском саду» и вечеров в клубах, куда пускали по списку. Она не была зла, не была жестока — она была просто невидяща. Как человек, который идёт по стеклянному полу и не знает, что под ним пропасть, — не от подлости, а оттого что под ним всегда был стеклянный пол.

У неё были «подружки» — Катя и Соня, такие же обеспеченные, такие же не нуждающиеся. Они обсуждали сумки, мужчин и отпуск. Мужчины в жизни Вари были красивыми, высокими и невыносимо скучными. Дима — стендапер, который оказался занят только собой. Артём — фотограф, который фотографировал только себя. Марк — крипто-инвестор, который улетел в Дубай и прислал сообщение: «Sorry, baby, не вышло». Варя пожала плечами и заказала новую сумку. Через два дня забыла и про Марка, и про сумку.

Она никогда не думала о деньгах, потому что думать о том, чего в избытке, — занятие для людей, у которых его нет.

Она никогда не думала о других людях, потому что другие люди были декорацией.

— Варя, ты эгоистка, — сказала однажды мать за обедом.

— Спасибо, мам, — ответила Варя, — я знаю.

И это была правда. Она знала и не считала это недостатком. Она считала это — стилем.

Глава 2. Предсказание

Это случилось в субботу, в конце сентября.

Варя с Катей гуляли по Остоженке. Был один из тех московских дней, когда осень не давит, а золотит — воздух прозрачный, жёлтые листья на тополях, и небо такое синее, что хочется его сфотографировать. Но Варя не фотографировала небо. Она фотографировала себя на фоне неба.

У метро «Кропоткинская» сидела старуха.

Не бабушка — старуха. В том значении слова, которое произносят с оттенком брезгливости. Космы седых волос, платок, длинная юбка, на земле — картонка с надписью «Гадаю. Предсказываю. Снимаю порчу». Рядом — стаканчик с мелочью, три монетки на дне.

Катя потянула Варю за рукав:

— Пойдём, ну её.

Но Варя остановилась. Не из любопытства — из прихоти. Ей стало скучно, а старуха выглядела как-то... не на месте. Словно декорация из другого спектакля.

— Сколько? — спросила Варя.

Старуха подняла голову. Глаза были неожиданно живые

— маленькие, чёрные, блестящие, как угли.

— Тебе — бесплатно, — сказала старуха.

— Почему?

— Потому что ты уже заплатила. Просто не знаешь об этом.

Варя усмехнулась. Присела на корточки, вытянула ладонь. Рука у неё была ухоженная — маникюр, крем, перстень с бриллиантом. Рука человека, который ничего не делает.

Старуха взяла её ладонь и долго смотрела. Потом сказала: — Линия жизни длинная. Линия судьбы — короткая. Денег много, а жизни — мало.

— В смысле? — Варя выдернула руку.

— В прямом, — старуха не отвела глаз. — Ты, девочка, живёшь не свою жизнь. И скоро узнаешь, какая бывает своя.

— Слушай, бабушка, — Варя встала, — мне такие шоу не нужны. Я серьёзно — давай, я тебе дам пять тысяч, и ты скажешь что-нибудь хорошее, лады?

— Денег не надо. — Старуха снова опустила голову. — Я уже сказала. Ты не услышишь. Пока не станет поздно.

Варя развернулась и пошла. Катя догнала её через три шага.

— Ну и злая старуха.

— Сумасшедшая, — сказала Варя. — Пошли в «Царский сад», я голодная.

В тот вечер она ела тартар из тунца и пила шабли. Старуху забыла к третьему бокалу.

Глава 3. Та ночь

В три часа ночи Варя проснулась.

Не от звука — от ощущения. Словно что-то сдвинулось. Как будто мебель в комнате переставили, но она не слышала, как переставляли. Просто — вдруг иначе.

Она лежала в своей кровати — огромной, с бельгийским бельём, с подушками, которых было шесть, и она спала только на одной. Темнота. Тишина. За окном — огни Остоженки.

Варя закрыла глаза. И тут — снова. Как будто пол уходит. Она провалилась.

Часть вторая. Минимальная зарплата

Глава 4. Юля

Юля Киселёва проснулась в чужой кровати.

Сначала она не поняла, что кровать чужая. Потом — поняла, потому что своя кровать была девяносто на сто девяносто, продавленная, с бугром посередине, и простыня на ней была застирана до прозрачности. А эта кровать была огромная, мягкая, с запахом лаванды, и простыня на ней была такая белая, что казалась светящейся.

Юля села. Комната — большая. Очень большая. Окно во всю стену. За окном — ночной город. Где-то внизу — огни.

Она встала, босыми ногами — пол тёплый, подогреваемый, — и пошла к зеркалу. Зеркало было в рост, в золотой раме. Юля посмотрела и увидела чужое лицо.

Красивое. Молодое. Тонкий нос, высокие скулы, тёмные волосы до плеч, брови — как нарисованные. Губы — пухлые,

чуть подкрашенные.

— Это не я, — сказала Юля.

Она знала своё лицо: круглое, веснушчатое, нос — курносый, глаза — серые, обычные. Волосы — русые, жидковатые. Лицо человека, которого не замечают в очереди.

А в зеркале был человек, которого замечают все.

Юля потрогала чужое лицо. Тёплое, настоящее. Она ущипнула себя — больно.

— Господи, — прошептала она.

И тогда она увидела на тумбочке телефон. Телефон был большой, дорогой, в чехле, усыпанном стразами. Юля разблокировала его — лицо не подошло, но она провела пальцем, и открылось. Контакт на весь экран: «Мама». Юля нажала. Гудки.

— Варенька, ты чего в такую рань? — голос сонный, женский, встревоженный.

— Это не... — Юля замолчала. — Мама?

— Конечно, мама. Что случилось? Тебе плохо?

— Нет, я... я сейчас перезвоню.

Юля повесила трубку. Села на кровать. Она была в чужом теле. В чужой квартире. В чужой жизни.

Её звали — Юлия Киселёва, двадцать четыре года, продавец в магазине «Космос» (бытовая техника, отдел холодильников), зарплата — МРОТ плюс премия, если продашь больше всех. Проживала в Йошкар-Оле, в однокомнатной квартире на улице Водопроводной, которую снимала за двена-

дцать тысяч. Мать — в Волжске, на пенсии, больна. Отца не было с четырнадцати лет. Брат — в армии.

А теперь она лежала в кровати стоимостью, наверное, в её годовой доход, и её звали Варвара Левина.

Глава 5. Варя

Варя проснулась от холода.

Не от кондиционера — от того, что одеяло было тонкое и короткое. Она потянулась, и нога вылезла наружу. Потом рука. Одеяло было какое-то... маленькое.

Она открыла глаза.

Потолок — белый, с трещиной посередине. Обои — жёлтые, отходят в углу. Окно — маленькое, с тряпкой вместо шторы. Запах — какой-то... кухонный? Жареное масло и табак, хотя в комнате не курили.

Варя села. Кровать скрипнула. Она посмотрела на свои руки.

Это были не её руки.

Коротко стриженные, без маникюра, с заусенцами на большом пальце. Кожа — грубая, шершавая. На безымянном — простое кольцо, серебряное, с маленьким камнем.

Варя подбежала к зеркалу. Зеркало было маленькое, на стене, в пластиковой раме. В нём отражалась девица — невысокая, в худи и трениках, с круглым лицом, веснушками и испуганными серыми глазами.

— Это что, — сказала Варя. — Это что.

Она стала искать телефон. Нашла на тумбочке — старый,

потёртый, с трещиной на экране. Разблокировала — повезло, без пароля. Открывающиеся сообщения, Telegram, ВКон-такте. Имя в профиле — «Юля Киселёва».

Варя открыла сообщения. Последнее — от «Мама»:

«Доча, я перевела тебе 2000 на карту. Покупай фрукты, не экономь. Я справлюсь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.